

The background of the book cover is a dark, atmospheric photograph. It shows a path or road receding into the distance, illuminated by a warm, golden light source, possibly the setting or rising sun. The light creates a strong lens flare and illuminates the dust or particles in the air, giving it a dreamlike, ethereal quality. The overall color palette is dominated by dark blues, blacks, and warm yellows/oranges from the light source.

Михаил Самарский

Роман со счастливым концом

Писать – значит
осмеливаться

Михаил Александрович Самарский

Роман со счастливым концом

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29174622

SelfPub; 2018

Аннотация

Писатель Осип Емельянович Воскобойников опоздал на встречу с миллионером Фарбергом Константином Евсеевичем. Миллионер, спеша на самолёт, случайно принимает бродягу-попрошайку Брамса Осипа Емельяновича за настоящего писателя, пообещавшего написать роман, главным героем в котором должен быть Фарберг. До этого Константин Евсеевич общался с писателем только по телефону. Писатель и бродяга оказались полными тёзками по имени-отчеству. Это обстоятельство и предредило дальнейшие события.

Михаил Александрович Самарский,
Тел. +7 916 394 26 87
E-mail: ma@samarsky.ru

Михаил Самарский

РОМАН СО СЧАСТЛИВЫМ КОНЦОМ

Писать – значит осмеливаться.

Эмиль Чоран

От автора

Выражаю сердечную признательность всем тем, без кого эта книга могла бы и не появиться на свет. За профессиональные консультации адвокату Виолетте Волковой, другу и меценату Алексею Комиссарову, депутату Государственной Думы Сергею Михайловичу Миронову, всегда поддерживающих меня в трудную минуту.

Благодарю за ценные советы переводчиков моих книг Ленни Россловски (США), Фама Ба Тху (Вьетнам), Уляну Петкова Йорданову (Болгария). Благодаря им я теперь получаю письма от своих читателей со всего света.

Отдельная благодарность моим чрезвычайно терпеливым родителям за их стойкость и умение достойно переносить мои иногда не совсем размеренные требования.

Огромное спасибо всем, кто читает мои книги, пишет отзывы, рецензии и вдохновляет меня на дальнейший труд.

Михаил Самарский

Глава 1. Из грязи да в князи.

Поговорка, вынесенная в название главы, обидная, чего уж там говорить – у любого вызовет досаду. Однако Осип Емельянович Брамс, несмотря на всяческие жизненные препятствия, обладал хорошо развитым чувством юмора, а в самоиронии видел одни только плюсы. Эти чудесные качества частенько выручали его и помогали находить решения, казалось бы, в самых уже безвыходных ситуациях. Именно потому вместо обиды Осип Емельянович, посмеиваясь про себя, нашёл своему нынешнему положению и другие не менее яркие определения, такие как «ворона в павлиньих перьях», «со свиным рылом в калашный ряд»... Что-то ещё крутилось в голове, но Брамс никогда не перебарщивал и не превращал самоиронию в занижение самооценки. Тем более, что все эти «грязные князья», «павлиньи перья», «калашные ряды» свалились на его голову точно гром среди ясного неба.

Конечно, у любого человека в жизни случаются неожиданные, но выйти на улицу для того, чтобы «стрельнуть» мелочи на опохмелку и «два кусочка колбаски», а уйти с неё миллионером, такое случается крайне редко. А, может быть, это и вообще единичный случай. Но, как говорят философы, случилось то, что должно было случиться.

* * *

Осип Емельянович отказался от работы у станции метро. Во-первых, полицейские стали до чёртиков прилипчивыми и избыточно принципиальными. Во-вторых, то ли у людей денег стало меньше водиться в карманах из-за этих дурацких пластмассовых карточек, то ли наши люди научились на западный манер скопидомствовать. А в-третьих, и это, пожалуй, самое главное, утром из метро народ в большинстве своём выходит хмурый, невообразимо злой, раздражённый и крайне вспыльчивый – могут и послать по известному адресу, и в лицо плюнуть, и даже отпустить униженного пендаля.

Однажды у станции Университет один плохо воспитанный молодой человек так ударил Брамса ногой сзади, что травмировал ему копчик, в результате чего Осип Емельянович неделю не то, чтобы попросить, даже ходить не мог самостоятельно. Хорошо, товарищи выручили: ухаживали, успокаивали, всякие примочки ставили, припарки, едой

снабжали, внутренности целебной настойкой согревали. Последнее лекарство особенно помогало. По мнению больного, благодаря только ему, Ёся, как называли его друзья, в скором времени и поднялся на ноги.

И всё же (это нужно отметить особо), какие бы гадости не совершали люди, Брамс на них не обижался и всегда старался найти оправдание даже самому сомнительному поступку.

– Мы же не знаем, как он провёл ночь, – говорил Осип Емельянович, рассказывая о хулигане, нанесшем вред его здоровью, – может, плохо спал, может, с женой поссорился, а возможно его в метро тоже кто-то обидел...

– И что теперь, – хмыкал сосед по подвалу Митя Акробат, – на людей, словно дикий вепрь, бросаться? Наверняка знал паскуда, куда бить. Обездвижил человека ни за что ни про что – сволочь он; чтоб он себе ногу сломал.

– Зря ты так, Митя, – успокаивал товарища Осип Емельянович, – ругать ругай, а зла никому не желай, зло оно, знаешь, всегда возвращается.

– Ага, – рассмеялся Акробат, – он тебе всё седло отбил, а мы ему давай пожелаем счастья, здоровья и поздравим с наступающим Новым годом. Тоже мне, гуманист нашёлся. А я предлагаю, встретить его в подземном переходе и начистить ему рыло, да так, чтоб он на всю жизнь запомнил.

– Ну, Митя, это ты уже загнул, – вступился за Брамса дед Акын, – он завтра соберёт банду отморожков, выследят, засекут нашу берлогу и вот здесь, в подвале всех нас похоро-

нят. А найдут наши мумии только летом, когда начнут трупы теребить. Прекращай тут экстремизмом заниматься. Ёся ещё пару-тройку дней полежит, и отойдёт. Радуйся, что нас тут никто не трогает, вон недавно по радио говорили, где-то на окраине малолетки бездомного мужика пытались живьём сжечь. Избили и давай бензином поливать, хорошо прохожий заступился, разогнал извергов. А другой бы прошёл молча, и всё – нет человека.

– Жуть, – покачал головой Митя, – и тюрьмы собаки не боятся.

– Да кто их искать станет? – ухмыльнулся дед Акын. – Кому мы нужны, нищие и бездомные? Вон каких людей убивают и то не находят, а ещё на нас будут они время тратить.

Дед Акын оказался прав, вскоре пострадавший поправился и вышел «на работу». Выглядел Осип относительно прилично и даже можно сказать, харизматично: слегка потёртое тёмное пальто, правда, чуть великоватое, больше на один-два размера – напоминание о некогда сытной и тёплой жизни; ботинки не первой свежести, но всегда начищенные, ярко зелёный свитер, фиолетовый шарф с белыми разнокалиберными горошинами и, наконец, роскошная широкополая чёрная шляпа. Если бы не его просьбы, можно было подумать, что на прогулку вышел некто полузабытый актёр.

Легенда всегда была одна и та же: «Простите, уважаемый! Приехал в столицу из Воронежа (Ростова, Краснодар, Саратов, Волгограда... – во всех этих городах Осип Емелья-

нович бывал, когда-то проживал, так что соответствующую тему о населённом пункте поддержать мог на должном уровне), хотел подарков купить, да вот беда приключилась – обокрали, остался без копейки денег, помогите, пожалуйста, на билет, автобус вечером отходит». Обычно за полтора-два часа денег собиралось на согревающий напиток и закуску. Частенько случалось, что вместо денег давали сразу закуску, а совсем недавно Брамсу повезло и вовсе несказанно: весёлый мужчина лет сорока пяти на просьбу Осипа вынул из пакета бутылку дорожной водки, протянул её нуждающемуся и сказал:

– Брат, прости, все деньги истратил, на, вот, возьми в дорогу, всё веселее будет ехать.

Брамс поблагодарил доброго человека и на всякий случай поспешил удалиться домой, поскольку на закуску уже было «заработано».

Сегодня что-то день не заладился. Проторчав почти час у супермаркета, Осип Емельянович стал подумывать о смене дислокации. «Перейти к аптеке, что ли, – мысленно рассуждал он, – там люди могут быть добрее, сами ведь болеют, должны чувствовать боль...».

Подойдя ближе к аптеке, он потянулся было к шляпе, чтобы снять её и принять рабочий вид, как вдруг сзади раздался чей-то незнакомый голос:

– Осип Емельянович?

Брамс вздрогнул и, опустив руку, медленно обернулся.

Перед ним стоял мужчина лет сорока, одетый с иголки, гладко выбритый и густо пахнувший дорогим парфюмом. В руках незнакомец держал кожаный портфель.

– Так точно! – почему-то по-армейски ответил Брамс.

– Очень хорошо! Просто замечательно! – обрадовался мужчина и протянул руку: – Ну, а я, как вы уже догадались, Фарберг. Фарберг Константин Евсеевич. Очень приятно, очень приятно, Осип Емельянович.

– И мне очень приятно! – буркнул в ответ Брамс, ничего не понимая, что происходит.

– Пройдёмте в машину, Осип... Если не возражаете, давайте без отчеств. Просто Осип-Константин. Не возражаете?

– Да нет, – пожал плечами Брамс, – не возражаю.

– Ну, и хорошо, – закивал головой Фарберг, – вы меня простите ради бога, Осип, но тут такое дело, секретарша моя перепутала время отлёта, потому я и переназначил вам время встречи на два часа раньше. Понимаете, самолёт у меня оказывается, не в семь вечера вылетает, а в семнадцать. А эта курица только сегодня утром опомнилась. Хотел её немедленно уволить, но быстро отошёл. Вы знаете я очень отходчивый человек. А подчинённые мои этим часто пользуются. Может, это и хорошо. Не в смысле, что пользуются, а что человек я добрый. Вы как считаете?

– Ну, да! – кивнул Брамс. – Конечно, хорошо.

«Господи, боже мой, – мысленно взмолился Осип Емельянович, – кто это на мою голову свалился? На фээсбэшника

похож – весь такой из себя, с портфелем, в галстук, фуражка какая-то диковинная, а в кармане, наверное, пистолет лежит. А если подумать, зачем я им сдался? Шпион я, что ли? Ёся, только спокойно, не волнуйся, тебе нечего бояться, если мужик и из ФСБ, то его моя деятельность «не интересует», для этого есть другая контора».

– Я вам звонил несколько раз, вы были недоступны, – продолжил незнакомец, – потому и написал в «вотсап» на всякий случай.

«Понятно, – мелькнуло в голове у Брамса, – он меня с кем-то перепутал. Нужно ему сказать об этом и уносить ноги отсюда, пока не поздно».

– Вы прочитали? – Спросил Фарберг, но, заметив на лице собеседника недоумение, он хлопнул себя по лбу и воскликнул: – Тьфу, дурак, что я спрашиваю? Вы же вот он, здесь, стоите передо мной! Естественно, прочитали. Совсем закрутился. Присаживайтесь, – Фарберг указал на стоящий рядом с аптекой огромный мерседес, – времени у нас мало. Но у меня всё готово.

Осип Емельянович, как загипнотизированный сел в машину на заднее сиденье, поздоровался с водителем, тот учтиво ответил, с другого борта к Брамсу подсел новый знакомый и сразу затарактел:

– Значит, смотрите, Осип, вот тетрадь, здесь есть всё. Я очень тщательно над ней поработал. Смотрите, на последней странице все пароли – от ноутбука, компьютера, от кредит-

ки, тут даже код домофона есть, на случай утери кнопки. Вот ключи от моей квартиры, пока не забыл, телефон. Да, кстати, познакомьтесь, это Николай, Коля, он так и будет работать все три года водителем, пока я буду жить в Америке. Не стесняйтесь, звоните в любое время, Коля у нас очень ответственный товарищ, так что машина двадцать четыре часа в сутки в полном вашем распоряжении. Николай, ты тут помогай Осипу... Осипу...

– Емельянович я, – напомнил Брамс.

– Да, Осипу Емельяновичу, подсказывай, – сказал Константин и, обращаясь к Брамсу, продолжил: – Домработницу свою Дашу я тоже не стал увольнять, она в курсе, что вы будете жить у меня. Что делать она знает. Я же когда-то вернусь, зачем мне новые люди. Даша у меня работает двенадцать лет, очень порядочная тётка, очень, можешь ей доверять. У неё, кстати, тоже есть ключи... Так-так-так, что ещё? Ага, охрану на въезде во двор я предупредил, консьержку предупредил, с участковым поговорил. Вы сразу представляйтесь так: я Осип Емельянович, они все в курсе. В общем, всё в ажуре, работайте на здоровье. Осип, просьба та же: основное пожелание, чтобы у нашего романа был счастливый конец. Главный герой – Фарберг Константин Евсеевич, но это не говорит о том, что нужно стопроцентно описывать мою биографию, нет-нет, можете фантазировать, чтобы интересно было читать. Единственная просьба, главный герой должен быть положительным со всех сторон, ну, можно чу-

точку там согрешить с красивыми женщинами, выпить хорошего вина – это я люблю и не скрываю свои слабости. В общем, я в тетради все ключевые моменты описал, всё разъяснил, на крайний случай, если что-то будет непонятно, спишемся, созвонимся. Телефон я вам оставляю свой, вы представляйтесь как мой референт. Хорошо? В подробности можете не вдаваться, я думаю, первое время вам понадобятся, конечно, но постепенно отстанут. Я не хочу телефон брать с собой, это мука, будет трезвонить круглосуточно. Я как только доберусь до места, вам позвоню, номер определится, сохраните его, и мы будем всегда на связи. Просьба: без моего согласия новый телефон никому не давайте. Отвечайте так: Константин Евсеевич в командировке, вернётся через три года. И электронная почта там у меня настроена на моё имя, можете ею тоже пользоваться, только подписывайтесь референтом. Есть такая примета: хочешь построить новую жизнь, заведи новый телефон, новую почту, новые контакты. Отойди в сторону, пусть люди поживут без тебя. Даша и Коля не в счёт – это как члены семьи. Я говорю о бизнесе.

– А в отпуск вы будете прилетать? – неожиданно спросил Брамс, намереваясь объявить Фарбергу о том, что тот ошибся. Однако ответ Константина Евсеевича заставил Брамса погодить с разоблачением.

– Какой отпуск, Осип? Ты что? – Фарберг неожиданно перешёл на «ты». Я вернусь только через три года, когда стану богатым человеком. Понимаешь?

– Да вы вроде и так не бедствуете, – усмехнувшись, Осип кивнул на приборную панель автомобиля.

– Не бедствую, – согласился Константин Евсеевич, – но я говорю не о таком богатстве, хочется вернуться не просто богатым, а сказочно богатым человеком. Ты понимаешь разницу?

– Не очень, – смущённо признался Осип Емельянович и, испытывая неловкость, опустил глаза.

– Ладно, бог с ним с этим богатством, – махнул рукой Фарберг, – может, чем чёрт не шутит, понравится так, что останусь жить в США, как карта ляжет. Заберу с собой Николая, Дашу... Коль, поедешь жить в Америку?

– Как скажете, Константин Евсеевич! – бодро ответил водитель.

– Вот и прекрасно. Да, Осип, в офисе я тебе тоже кабинет выделил. Вдруг, с кем-то нужно будет встретиться, пообщаться, ну, чтобы домой никого не тащить, в офисе отличное место. И от квартиры рукой подать. Зама своего предупредил, он позаботится об интерьере и техническом обустройстве. Вот такие дела, дружище. Ну, что? – Фарберг взглянул на часы. – Пора мне! Давай, брат, с богом! Вдохновения тебе, творческого подъёма. Я верю, что всё у нас будет прекрасно. Устал?

– Есть немного! – кивнул Осип.

– Тьфу, чёрт, что же ты молчишь? Самое главное чуть не забыли, – Константин протянул Осипу кредитную карту. –

Здесь аванс, как и обещал, пятьдесят процентов. Думаю, на три года тебе хватит. Ну, а если не хватит, пиши, звони, подкину ещё. Карта оформлена на меня, но сейчас это неважно, главное – знать пароль. Если пожелаешь, заведи карту на своё имя, я переведу деньги на неё. Ноу проблем! Нет никаких проблем, дорогой Осип Емельянович!

– А адрес? – робко спросил Брамс. – Куда ехать?

– Да вот же тут всё написано, – Фарберг ткнул пальцем в тетрадь, пошарил по карманам и, вынув пятитысячную купюру, протянул её Брамсу: – мне она уже не понадобится, а тебе на такси пригодится. Вот портфель, складывай всё и поезжай домой, отдохни, а то ты, смотрю, какой-то потерянный. Да, и ещё один момент, у меня там полный гардероб шмоток, не стесняйся, подбери себе всё, что по душе, чего они будут пылиться. Там есть и новые вещи и раз-два одёванные. Пользуйся без всяких ограничений. Рубашки, костюмы, галстуки... а обуви там вообще вагон и малая тележка. Что там ещё? Ладно, сам разберёшься. Квартира в твоём распоряжении, кабинет в офисе есть, компьютер-ноутбук есть, домработница есть, водитель-автомобиль есть, деньги есть, что ещё нужно? Всё, давай.

Они пожали друг другу руки, и Осип Емельянович, прижимая к груди портфель, вышел из машины.

Автомобиль мгновенно исчез. Брамс ещё с минуту сообщал, что это было, что произошло и как действовать дальше?

Изучив адрес своего нового жилища, Осип Емельянович мысленно произнёс: «Дурак я, что ли, тратить деньги на так-си, здесь пешком максимум полчаса ходу. Пройдусь, свежим воздухом подышу, помозгую. По-моему, я вляпался в какую-то крупную авантюру...».

В этот момент к нему подошли двое полицейских, сержант и рядовой.

– Гражданин..., – обратился рядовой.

– Извините, товарищ, мы ошиблись, – сказал сержант и дёрнул коллегу за рукав.

Они отошли в сторону, Осип Емельянович прислушался, и, хотя те говорили довольно тихо, он всё же расслышал их разговор.

– Ты что? Чего ты к нему полез? – ругался сержант.

– А что? Ханыга какой-то! Документы нужно проверить.

– Сам ты ханыга, ты видел, из какой он тачки вылез?

– Из какой? – удивлённо спросил рядовой.

– Мерин чёрный, который ты рассматривал, когда мы в ту сторону шли.

– А я и не заметил, – оправдывался рядовой полицейский.

– Надо замечать, – наставлял коллегу сержант, – а портфель у него в руках видел?

– Я в них не разбираюсь, – пожал плечами рядовой. – Дорогой, что ли?

– Я точно название не помню, – сказал сержант, но что-то вроде «Тонни Перотти», по-моему.

– Сколько стоит?

– Да, наверное, подороже будет твоих жигулей, – усмехнулся сержант.

– Во люди жируют! – покачал головой рядовой полицейский.

Дальше Осип слушать не стал, он поторопился к своему новому жилищу. По дороге зазвонил телефон. Удивило имя абонента, сохранённое в трубке: Осип Емельянович, писатель.

– Да, ответил Брамс своему тёзке.

– Константин Евсеевич, это я Осип Емельянович, извините, поздно прочитал СМС-ку, чуть припоздал.

«Кто не успел, тот опоздал, – мысленно произнёс Брамс. – Чего ж ты, товарищ, опаздываешь, думал, что на свете ты один Осип, да ещё и Емельянович?»

– Извините, уважаемый, – стараясь как можно важнее, ответил Брамс, – Константин Евсеевич, улетел в Америку.

– Как улетел? Как же так? А роман? Вы кто?

– Я его реферат! – гордо ответил Осип Емельянович Второй.

– Кто-кто? – прозвучал удивлённый вопрос на другом конце провода.

– То есть... как его... рефери! – выпалил Брамс.

– Вы, наверное, хотите сказать, вы его референт? – подсказал собеседник.

– Именно это я имел в виду. Просто шучу, – Брамс почув-

ствовал, как у него вспотела спина.

— А вы не подскажите, господин референт, что Константин Евсеевич решил с нашим романом?

— Подскажу! Тут вот какое дело: поскольку вы не приехали вовремя на встречу, написание романа поручено другому человеку, — ответил Брамс и, протянув руку с телефоном по-дальше шумно выдохнул.

— Я не пришёл на встречу? Это я не пришёл на встречу? — начал кричать абонент. — Да я вот стою здесь у аптеки, как дурак уже полчаса. И ни звонка, ни... ни... никого.

— Извините, Осип Емельянович, — спокойно произнёс, тётка, — дело в том, что время вылета перенесли на семнадцать часов. Вот так получилось.

— Всё ясно, — остервенело закричал раздосадованный писатель, — ну вас к чёрту, аферисты!

В телефоне пошли короткие гудки.

«Баба с возу, кобыле легче!» — улыбнулся Брамс и бодро зашагал домой.

Однако мысли в голове Осипа Емельяновича наслаивались одна на другую, и чем ближе новоявленный писатель приближался к дому, тем сильнее ослабевали его ноги.

«Может, зря я не признался товарищу, что я это не я. Стоп, как это я не я? Конечно, я это я, и зовут меня Осип Емельянович, а о фамилии мы и вовсе не говорили. Ну, поручил мне Константин Евсеевич написать книгу, и что? Вот

бумаги лежат в портфеле. У меня в распоряжении три года. Это с одной стороны не очень-то и много, вон уже скоро стукнет пятьдесят лет, а я и не заметил, как жизнь пролетела. А с другой – три года! Да это же уйма времени. За такой срок можно «Войну и мир» написать или там, например, «Гарри Поттера». Кто-то скажет, мол, ты не писатель? А вот тут извините, не боги горшки обжигают, да и сколько я книжек по молодости перечитал, вот теперь, садись и пиши. Чего ты дрожишь, как... – Осип Емельянович долго подбирал, с чем сравнить своё дрожание, но так ничего на ум и не пришло. – Писатель хренов, – мысленно ругал он себя, – слова все забыл. Ну, скажи, например, дрожит, как осиновый лист. Нет-нет, я это где-то читал. Дрожит, как – во! – собака на морозе. Мда, напиши такое в книге, получишь в морду. Как собака. Ладно, бог с ними с собаками, осинами, листьями. У меня есть три года! Читай, учись, пиши, и всё будет пучком, как говорит наш Митя Акробат.

Ё-моё! А что же я своим товарищам скажу? Надо будет им помочь. Интересно, пятьдесят процентов – это сколько? А вдруг миллион? Да нет, ну, какой миллион? Такое только в кино бывает. Говорит, на три года должно хватить. Ну, давай посчитаем. Какой там сейчас прожиточный минимум? Десять тысяч рублей? В год выходит сто двадцать тысяч. Верно? На три года – триста шестьдесят. Неужели человек вот так может запросто расстаться с такой суммой? Хотя, судя по тому, как он легко отвалил мне «пятёрку», отдал телефон,

ключи от квартиры, говорит, пользуйся моим гардеробом... А менты! Те, увидев у меня в руках портфель, чуть в обморок не упали. Интересно, сколько он стоит? Так что всё возможно. Нужно зайти в сбербанк, проверить, сколько лежит на карточке и объединить свои потребности с возможностями. Да, совсем забыл, с какой целью, я вышел к аптеке – нужно зайти в магазин, взять шкалик, опохмелиться. Хотя дед Акын давно настаивает на том, чтобы мы завязали с бухлом. Говорит, ребята, сопьёмся и подохнем, как собаки. Верно говорит, бомжи почти все так и кончают. Хотя какой я бомж? Бомж – это кто? От аббревиатуры БОМЖ – без определённого места жительства. Но, даже живя в теперешнем подвале, я имею паспорт. Менты всегда раскрывают рот, когда проверяют документы. Они начинают с листа прописки, или как там сейчас говорят, регистрации, что не имеет никакой разницы – название поменяли, а суть-то осталась. Так вот, смотрят господа полицейские (это ж надо такое название придумали!), а там штампик – Москва, улица Ленина, и дом, и квартирka имеются. Всё! В чём меня можно упрекнуть? Иду себе и иду. «А я иду, гуляю по Москве!», – мысленно напел Осип Емельянович песню, – и отвяньте от меня. Вот так. В общем, Ёся, не дрейфь, чем ты только в жизни не занимался, а вот книги ещё не писал...».

Осип Емельянович вспомнил, как в детстве, влюбившись в одноклассницу Наташку, писал ей стишки. Однажды поделился с приятелем, а тот разболтал всему классу, и пришлось

Ёсе весь второй класс ходить с прозвищем «Пушкин». После каникул всё подзабылось, но иногда прозвище всплывало, вплоть до окончания школы.

«Не зря, видимо, меня в детстве Пушкиным прозвали, – внутренне рассуждал Брамс, – это, возможно, божий промысел, рок! Правильно моя мама говорила (царство ей небесное): всё, что ни делается, сынок, к лучшему. Вот и посмотрим, мамуля моя дорогая»!».

Глава 2. Лиха беда начало.

Осип не заметил, как подошёл к дому. Двор огорожен высоким забором, калитка наглухо заперта, сбоку кнопка. Гость даже не успел её нажать, как из невидимого динамика донёлся мужской басовитый голос:

– Слушаю вас!

– Я... это, – от неожиданности растерялся Брамс, – ну... в общем, я Осип Емельянович, – выпалил он.

Электрический замок зычно щёлкнул, и тяжёлая дверь, словно по мановению волшебной палочки, отворилась. Охранник выскочил из своей каморки, улыбаясь так, как будто во двор вошёл его самый близкий родственник.

– Мы вас давно ждём, Осип Емельянович, – объявил он, словно и впрямь с неделю ожидал гостя, – проходите, уважаемый, третий подъезд, вас проводить?

– Да нет, что вы! – смущённо ответил Брамс и, указав ру-

кой на ближайший подъезд к воротам, спросил: – Это какой номер?

– Это шестой, дальше пятый, четвёртый, а вон ваш, в углу. Если что понадобится, обращайтесь. Дарья Андревна на месте, – именно так, с одним «е» в имени, сказал охранник.

«Хм, «обращайтесь». Интересно, что мне может понадобиться от охранника?», – мысленно усмехнулся Осип Емельянович.

По пути к своему подъезду Осип Емельянович повстречал женщину средних лет, на ходу осмотревшую его с ног до головы. Пропустив гостя мимо себя, женщина остановилась и уже со спины принялась внимательно его рассматривать. Брамс почувствовал, как в спину ему воткнули два электрических провода и с силой крутанули «динамо». Перед самой дверью в подъезд Осип Емельянович вдруг окаменел – в голову внезапно впрыгнула безрассудная мысль: «А что если.., – он даже зажмурил глаза, – ...если кто-то во мне узнает попрошайку? Стыда ведь не оберёшься. Смотрите-ка, пейзабель, нашёлся! Ну, скажи, зачем ты сюда притащился, а, Гоголь-Моголь?»

Он с большим трудом каменной рукой вынул из кармана «пипку» для уличной двери и вложил её в электронное гнездышко. Дверь премерзко закрипела, Осип Емельянович потянул ручку и осторожно проник в подъезд.

Сразу вспомнились многочисленные приключения, связанные с ночёвками в подъездах в морозные ночи. Всякое случалось – и били, и просто выгоняли, и водой обливали, и ухо отрезать грозили (да и не только ухо), но всё же по личной спонтанной статистике Осипа Емельяновича хороших и добрых людей на свете оказалось гораздо больше. Брамс даже как-то, выпив лишний стакан согревающего напитка, учинил в подвале целую лекцию для своих сожителей, где утверждал, что человечество потому до сих пор и живо, что в целом не утратило чувства доброты и сострадания к братьям меньшим.

– погоди-погоди, Композитор! – возмутился Акробат. – Ты сейчас это кого назвал братьями меньшими, нас, что ли?

– Ну, я имею в виду... эту... как её... социальную лестницу! – нашёлся Брамс.

– Какая ещё на фиг лестница? – наседал Митя. – Братья меньшие – это не люди, это собаки там, коты всякие, то есть животные домашние, а может и не только домашние. Понимаешь? Так, что, Ёся, я чувствую себя оскорблённым.

– Да сядь, ты не суетись, – одёрнул его Дед Акын, – сказано же тебе, он не животных имел в виду, а людей, таких как мы.

– А чем мы хуже? – не унимался Акробат.

– Хуже кого? – спросил Дед.

– Животных.

– Нет, ну вы посмотрите на этого балбеса! – прикрикнул Дед Акын. – Кто тебя с животными сравнивал?

– Он! – Митя ткнул пальцем в Брамса. – Братья меньшие – это животные, и скажи ему, чтобы он меня так не называл.

– Хорошо-хорошо, – замахал руками Осип Емельянович, – я не хотел тебя обидеть, просто ошибся.

– В следующий раз не ошибайся. Если мы сами себя будем собаками называть, конечно, другие нас тоже за людей считать не будут. Ты посмотри, что творится, у них и так спесь через край хлыщет, а тут ещё мы самоунижаемся. Вот тебе и доброта, и сострадание. Это они сегодня такие добрые – и кусок колбасы дадут, и хлеба, и стопарик могут налить, а завтра будут голодными, придут и у тебя всё отберут, а нечего будет отбирать, так и самого тебя съедят.

– Ты чего, Митя? – вздёрнул брови Брамс. – Разве можно с такими мыслями жить?

– А где мне других мыслей набраться? – усмехнулся Акробат. – Я университетов не заканчивал. Вот мой университет, – он раскинул руки и, указывая на стены подвала. – И на моём веку, вот в таких подвалах знаешь, сколько я друзей и недругов схоронил? Ты сколько по подвалам шарахаешься? В смысле сколько, скажем так, бродяжничаешь?

– Лет пять, наверное! – ответил Брамс и вдруг спохватился: – нет-нет, около трёх лет, я первые два года, как ушёл из дома, у товарища жил на даче. А потом они её продали.

– Ну, вот! – цокнул языком Акробат. – А я – около пятна-

дцати. Так что ты мне тут о добре и милосердии не заливай. Поживи с моё.

– Но ты же как-то эти пятнадцать лет прожил? – возразил Брамс. – И сейчас живёшь, и из подвала нас не гонят. Старший дома знает, что мы здесь живём. Подошёл, по-человечески сказал, чтобы соблюдали порядок. На мороз не стал выгонять. А ведь мог прийти с полицией, взять за шиворот и вышвырнуть на улицу. И всё! Иди, ищи пристанище, пока найдёшь и замёрзнешь. Ты чего на жизнь жалуешься? В этом мире всё относительно, кто-то мечтает о таком подвале. А ты в тепле, и колбасу чуть ли не каждый день кушаешь.

Акробат тяжело вздохнул, махнул рукой и, упав на самодельный матрас, отвернулся к стене.

– Романтик, – бурчал он, – «добродота», «милосердие»...

* * *

Помня предупреждение охранника о том, что домработница Даша на месте, Осип Емельянович не стал использовать ключи, а просто позвонил в дверной звонок. Через несколько секунд тяжёлая массивная дверь медленно отворилась, на пороге стояла обаятельная, такая мягкая и душистая Дарья Андревна. Пахло от неё сдобой, да так вкусно, что Брамс не удержался и сглотнул слюну.

– Я...

– Осип Емельянович? – опередила женщина. – Проходите,

сейчас будем пить чай. Я вам таких вкусовостей приготовила, пальчики оближешь. Константин Евсеевич мне всё рассказал о вас, конечно, жизнь на даче отличается от московской квартиры, хотя там свои плюсы – свежий воздух и всё такое. Но вам писателям, сейчас без хорошего интернета никак нельзя, впрочем, он сегодня всем нужен. Я новые блюда нахожу в социальных сетях. Люди с удовольствием делятся разными рецептами, я тоже участвую в таких сообществах, мне нравится. Ну, что же вы стоите, Осип Емельянович? Раздевайтесь, проходите, вот здесь умывальник, кухня прямо по коридору. Вид у вас какой-то уставший. Работали ночью?

– Угу, – кивнул Брамс. – Не доспал немного.

– Спать нужно обязательно! Сон – это здоровье. Ну, ничего, здесь у вас будут все условия, я уж постараюсь. Я когда узнала, что Константин Евсеевич уезжает в Америку, так расстроилась, чуть в больницу не попала, а он мне на следующий день объявляет, так, мол, и так, здесь будет жить писатель, и я остаюсь на своём рабочем месте. Если бы вы знали, как я обрадовалась. Константин Евсеевич – золотой человек. Работу сохранил, зарплату сохранил, живи – не хочу. Вы, Осип Емельянович, не стесняйтесь, давайте мне задания, я всё для вас сделаю. Жду вас на кухне.

Брамс, войдя в ванную комнату, чрезвычайно смешался. Первое, что его сразило, зеркало от потолка до пола и во всю стену. Посредине комнаты стояла огромная кубической формы ванна, наполненная кристально чистой водой, с четырь-

мя креслами внутри, по одному в каждом углу. Среди роскошных тумбочек и этажерок, банок-склянок, сверкающих ковриков, в огромном зеркале Осип Емельянович увидел маленького, робкого и какого-то подавленного человечка. Только через несколько секунд он сообразил, что это его отражение. Внезапно ему стало себя так жалко, что он прослезился. Вымыв тщательно руки, умывшись, расчесав щетину мелкозубчатой расчёской, Осип Емельянович проследовал на кухню.

Здесь Брамс тоже немного растерялся, всё дышало несказанной роскошью, он вспомнил, как в школьные годы они всем классом ездили на экскурсию в Эрмитаж. Вот там он только и видел такие стулья и обеденные столы, да и тарелки с ложками и вилками.

«Если тут так пьют чай, то как же они обедают?» – промелькнуло в голове у Осипа Емельяновича.

– Присаживайтесь, – запричитала Даша, – вы с чем пироги предпочитаете? Есть с капустой, картошечкой, ливером, рис с яйцом...

– Да мне всё равно, – махнул Брамс. – Какие дадите...

– Тогда с вашего позволения, Осип Емельянович, положу вам по одному каждого, а там уже определитесь, что вам больше понравится. Вы с чем выпечку обычно кушаете? Чай, кофе, молоко, кефир?

«Эх, Дарья Андреевна, – мысленно произнёс Брамс, – мне бы рюмашку-другую пропустить, тогда и пирожочки твои

пошли бы как по маслу. Да вот только стыдно знакомство начинать с выпивки».

Если кто-то думает, что телепатия – это псевдонаучное заблуждение, пусть себе и живёт с этой контрпродуктивной мыслью. А вот Осип Емельянович Брамс убедился, что телепатия – это самая что ни на есть наука без всяких там легкомысленных приставок, типа «псевдо», «лже» и тому подобное. Судите сами.

Дарья пристально посмотрела на референта своего хозяина и вдруг из её медовых уст как гром среди ясного неба прозвучало:

– Осип Емельянович, я смотрю, вы напряжены, взволнованы, думаю, вам нужно отдохнуть, хорошенько поспать, расслабиться. Может коньячку?

Брамс смутился и покраснел.

– Да не стесняйтесь вы, это очень полезно перед сном, поверьте. Ну, так что?

– Ну, давайте попробуем, – сказал Осип Емельянович таким тоном, что его только что наконец-то уговорили выпить рюмку ненавистного им спиртного напитка.

«Рюмочка» выглядела большим пузатым бокалом с узкой горловиной, Брамс вспомнил, как в былые годы один словоохотливый официант на чьей-то свадьбе учил гостей, как правильно держать бокал с коньяком. «Опыт не пропёшь!» – мысленно произнёс Осип Емельянович и поднёс бокал к носу. Закрыв глаза, он долго, насколько это было

в его положении позволительно, нюхал божественный напиток, затем залпом осушил бокал. Одной рюмочкой дело не закончилось, но и перебарщивать не хотелось. Брамс сумел найти золотую середину, и вот оно, блаженство; наступило – состояние успокоенности, внутреннего удовлетворения и неопишуемого наслаждения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.